

СЛОВО

въ пятокъ второй недѣли великаго поста, при воспомина-
ніи страстей Христовыхъ ¹⁾).

ИСТИНА И СВОБОДА.

*Уразумѣте истину и исти-
на свободитъ вы (Іоан. 8, 32).*

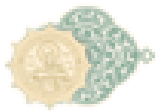
Если бы іудеи познали истину, не привели бы они къ смерти, *смерти крестной* (Филип. 2, 8), Господа нашего Іисуса Христа, Спасителя міра, обѣтованнаго Мессію, подвергши Его величайшимъ оскорбленіямъ и поруганіямъ, при мысли о которыхъ тяжело содрогается наше сердце. Но они не уразумѣли *Господа славы* (1 Кор. 2, 8), и отвергли и распяли Того, о Комъ писалъ Моисей и пророки (Іоан. 1, 45), Кто во своя *прииде* (Іоан. 1, 11), Кто былъ свѣтомъ во *откровеніе языкомъ* и славою людей Израиля (Лук. 2, 32). Ослѣпленные своими ложными мессіанскими чаяніями, руководимые лицемѣрами книжниками и фарисеями (Матѣ. 23, 2. 13), они потеряли совершенно способность истиннаго духовнаго разумѣнія, оказались глухи и безчувственны къ высочайшему голосу ис-

---

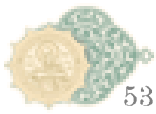
¹⁾ Произнесено въ церкви Кієво-Братскаго монастыря 3-го марта 1900 г.

тины. А, между тѣмъ, сколько разъ слышался этотъ голосъ,—голосъ дивный, божественный,—голосъ то кроткій и нѣжный, то грозный и обличительный,—голосъ всѣхъ призывающій, всѣхъ прощающій и милующій. *Николиже тако есть глаголаѣ челоувѣкъ, яко сей челоувѣкъ* (Іоан. 7, 46)! *Іерусалиме, Іерусалиме*, говорилъ Христосъ Спаситель: *колькократно восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокоши птенцы своя подъ крилъ, и не восхотѣсте* (Матѹ. 23, 37)! Іерусалимъ остался глухъ къ высочайшему голосу истины—Самой воплощенной Истины; Іерусалимъ не слѣдуетъ за Своимъ добрымъ Пастыремъ, не внимлетъ ни Его божественнымъ словамъ, ни Его божественнымъ дѣламъ; Іерусалимъ мнить приносить службу Богу (Іоан. 16, 2), отвергая Святаго и Праведнаго и испрашивая себѣ мужа убійцу (Дѣян. 3, 14). *Одебелъ бо сердце людей сихъ, и уши на тяжко слышаша, и очи свои слѣпѣша* (Дѣян. 28, 27), такъ что видя они не видѣли и слыша не слышали, и не уразумѣвали (Матѹ. 13, 13. 14; Марк. 4, 12; Лук. 8, 10; Іоан. 12, 40). *Толика знаменія сотворю Емѹ предъ ними, не вѣроваху въ Него, да сбудетъ слово Исаи пророка, еже рече: Господи, кто вѣрова слуху нашему и мѣщица Господня ко.пу открыся* (Іоан. 12, 37. 38). Іерусалимъ, мнящій себя быти свободнымъ, оказался въ величайшемъ рабствѣ,—въ рабствѣ лжи, духовнаго ослѣпленія, всякихъ предразсудковъ, сковавшихъ тяжелыми цѣпями его духовныя силы.

Каждый изъ насъ, братіе, безконечно далекъ отъ мысли быть подражателемъ іудеевъ. Всякій и долженъ, и можетъ познать истину и чрезъ то быть свободнымъ. На знамени нашего времени крупными буквами начертано слово: свобода, и оно у всѣхъ и въ мысляхъ, и на устахъ. Слово это, безъ сомнѣнія, великое, по-

тому что безъ свободы немислима никакая разумная жизнь, и все историческое движеніе человѣчества направляется собственно къ развитію и умноженію свободы, какъ своей послѣдней, завершительной цѣли. Но какъ часто въ наше время злоупотребляютъ этимъ словомъ! Какъ часто влагаютъ въ него не тотъ смыслъ, какой оно имѣетъ! Какъ часто обѣщаютъ свободу тѣмъ, которые сами суть рабы тлѣнія (2 Петр. 2, 19)! Какъ часто подъ видомъ свободы скрывается величайшее своеволие, и свою свободу желаютъ утвердить на безправіи другихъ!... На ряду съ словомъ: свобода на знамени нашего времени должно быть начертано не менѣе крупными знаками и другое великое слово, придающее смыслъ первому, — слово: истина. Свобода именно тамъ, гдѣ — истина, свобода и истина неотдѣлимы другъ отъ друга, какъ неразрывны слѣдствіе и основаніе; свобода, опирающаяся на лжи, и есть свобода ложная, мнимая, призрачная. Чѣмъ болѣе человѣкъ овладѣваетъ истиною, тѣмъ больше онъ и свободенъ, и ступени познанія истины суть ступени постепеннаго возвышенія къ свободѣ, потому что чѣмъ болѣе мы отрѣшаемся отъ мрака, чѣмъ болѣе просвѣщаемся, тѣмъ поступательное движеніе наше становится безпрепятственнѣе. Таковъ общій законъ. *Аще кто ходитъ во дни, не поткнется, яко свѣтъ міра сего видитъ* (Іоан. 11, 9). Но такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть истины болѣе полной, совершенной, довлѣющей, чѣмъ истина Христова, то, само собою понятно, не можетъ быть и болѣе совершенной свободы, чѣмъ свобода христіанская. Это — свобода не внѣшняя, а внутренняя, свобода не тѣла, а духа, — все большее и большее, идущее отъ силы въ силу, совершенствованіе послѣдняго *по образу создаваго насъ* (Кол. 3, 10). Такая свобода, очевидно, не дается

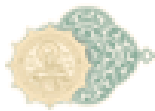
извнѣ, а предполагаетъ неустанную работу надъ самимъ собою, созиданіе себя по вѣчнымъ началамъ истины Христовой. Если хочешь быть свободнымъ, *больше поработи себе* (1 Кор. 7, 21), т. е. подчини своего человѣка внѣшняго, чувственного, себялюбиваго человѣку внутреннему, духовному, соусплаждающемуся закономъ Божиимъ (Римл. 7, 22). Вотъ когда будетъ единство, цѣлостность жизни, дѣйствительно свободное, безпрепятственное ея развитіе! Отрѣшайся все больше и больше отъ зла, и ты будешь свободнымъ. Дѣлай то, что соотвѣтствуетъ вѣчной, бессмертной природѣ твоего христіанскаго духа, что отвѣчаетъ твоему назначенію, послѣдней цѣли твоего бытія, и ты достигнешь свободы. Вотъ о какой свободѣ нужно всегда помышлять, а не увлекаться ложною свободою. Нѣтъ и не можетъ быть людей болѣе свободныхъ, чѣмъ истинные ученики Христовы. Они носятъ свободу въ себѣ и разливаютъ свѣтъ свободы вокругъ себя, хотя міръ не видитъ и не знаетъ ихъ свободы. Это—истинные духовные творцы, распространители царства свободы, и они не могутъ и помыслить объ утвержденіи свободы на безправіи и насиліи, ибо для нихъ безконечно цѣнна личность человѣка, ради котораго Христосъ умеръ (1 Кор. 8, 11).

Совершенная истина не можетъ вообще принадлежать отдѣльному человѣку, ибо никакой частный, ограниченный умъ не можетъ обнять ее во всей ея цѣлости и полнотѣ. Тѣмъ болѣе, конечно, это нужно сказать объ истинѣ Христовой, которая есть истина высочайшая, совершеннѣйшая, тайна, сокрытая прежде *отъ вѣкъ и отъ родовъ* и нынѣ явленная (Кол. 1, 26), *неислѣдованное богатство Христово* (Ефес. 3, 8). Этою истиною можетъ владѣть не отдѣльный человѣкъ съ его всегдашнею ограниченностью, а только общество

или собраніе вѣрующихъ, общество богоучрежденное, руководимое пастырями и учителями, такое общество, гдѣ эта истина всегда утверждается и неизмѣнно, во всей своей цѣлости и неповрежденности, сохраняется, при дѣйствіи Духа Божія, Духа истины (Іоан. 15, 26; 16, 13). Вотъ гдѣ полная истина и связанная съ нею истинная свобода: онѣ пребываютъ въ Церкви Христовой. Враги христіанства говорятъ совершенно противное, — что въ Церкви нѣтъ свободы, что Церковь уничтожаетъ послѣднюю, что она погашаетъ великій свѣтильникъ свободы... О, какое это горькое, печальнѣйшее заблужденіе! Эти люди хулятъ то, чего они совершенно не вѣдаютъ (Іуд. ст. 10), но что они могли бы такъ легко уразумѣть. Каждое наше священное церковное собраніе не служить ли живѣйшимъ, нагляднѣйшимъ, каждому понятнымъ свидѣтельствомъ и истины, и свободы въ Церкви Христовой? Подъ сѣнью сего святаго храма есть ли различіе между богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и незнатнымъ, высокоученымъ и простецомъ? Нѣтъ, здѣсь всѣ равны, всѣ братья во Христѣ, всѣ молятся и сокрушаются, и всѣ получаютъ, сообразно ихъ молитвѣ, духовное утѣшеніе и укрѣпленіе. Здѣсь не спрашиваютъ, откуда и зачѣмъ ты пришелъ сюда; здѣсь не ставятъ вопросовъ о твоёмъ происхожденіи, твоёмъ воспитаніи, твоёмъ жилищѣ и твоей одеждѣ; здѣсь вообще забываются всѣ внѣшнія различія, и мы образуемъ единое духовное цѣлое. Обыкновенно смутно представляютъ, что такое Церковь, какова ея задача и цѣль, а, между тѣмъ, какъ важно это знать, — какими благотѣльнѣйшими послѣдствіями сопровождалось бы ясное сознаніе этого въ нашей жизни. Да, тогда бы мы не враждовали другъ съ другомъ, не завидовали бы, не утѣсняли, не обижали другъ друга, не

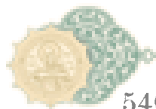

смотрѣли бы на личность другого только какъ на средство къ достиженію своей цѣли. Уразумѣли ли мы, братіе, что мы образуемъ едино тѣло Христово (1 Кор. 12, 12; Ефес. 1, 23 и др.), а въ тѣлѣ, какъ извѣстно, не должно быть распри, и одна часть тѣла не можетъ стоять въ безразличномъ отношеніи къ другой (1 Кор. 12, 14—26), а всѣ онѣ связаны между собою единствомъ взаимообщенія и взаимопомощи (Ефес. 4, 16). Уразумѣли ли мы эту истину?... Духовныя связи постигаются вообще труднѣе, чѣмъ тѣлесное сродство, или связи, основанныя на практическихъ, житейскихъ выгодахъ, но за то духовныя связи единственно прочныя, неразрывныя. Мы образуемъ единый духовный союзъ, выше и совершеннѣе котораго не можетъ быть. Всѣ мы соединены единствомъ вѣры, единствомъ благодати, единствомъ христіанской надежды, или христіанскаго упованія. *Единъ у насъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми* владычествуетъ *и чрезъ всѣхъ* насъ дѣйствуетъ *и во всѣхъ* насъ обитаетъ (Ефес. 4, 5. 6).—Въ Церкви, говорятъ, нѣтъ свободы. Какое, повторимъ, это величайшее заблужденіе! Нѣтъ выше, совершеннѣе того порядка жизни, гдѣ единство сохраняется во множествѣ, или единство утверждается въ многообразіи, т. е. гдѣ цѣлое живетъ и растетъ, и въ то же время каждая часть его не теряется, не подавляется, а служитъ цѣлому. Такова именно жизнь въ тѣлѣ Христовомъ, гдѣ никто не обиженъ, никто не обезличенъ, ни одной части не сказано: ты не нужна (1 Кор. 12, 21), а всѣ трудятся, по мѣрѣ дарованія Христова (Ефес. 4, 7), подъ руководствомъ пастырей и учителей (Ефес. 4, 11. 12), къ возвращенію тѣла Христова. „Все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣп-

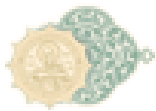
ляющихъ связей, при дѣйстви въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самаго себя въ любви“ (Ефес. 4, 16). Пусть враги Церкви познаютъ истину и уразумѣютъ, что лучшаго, совершеннѣйшаго единства и свободы, чѣмъ какія даны въ тѣлѣ Христовомъ, и помыслить не возможно. Кто проникнуть живѣйшимъ сознаниемъ церковнаго единства, для того все, что говоритъ Церковь, не есть чтонибудь внѣшнее, ему чуждое, его стѣсняющее, а все это, такъ сказать, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его; всему этому онъ не можетъ противиться, не можетъ этого не исполнять, ибо ни одинъ благомыслящій человѣкъ не посягаетъ на свою жизнь и свободу,—не пересѣкаетъ собственную жилу, доставляющую ему питательные соки. Возлюбимъ, братіе, нашу Церковь отъ всего сердца своего и отъ всея души своея, ибо ея жизнь есть наша истинная жизнь, и безъ нея мы духовно мертвы. По своему происхожденію, своей сущности и цѣли Церковь свята и освящаетъ всѣхъ, вступающихъ въ нее, т. е. даетъ имъ ту истинную свободу, къ которой они призваны.

Въ наше время жизнь отличается особенною сложностью отношеній и потому теперь больше, чѣмъ когданибудь, требуется свѣтъ истины, освѣщающій жизненный путь, и чрезъ то дѣлающій его свободнымъ. Со всѣхъ сторонъ теперь слышится: „тяжко жить“, „трудныя теперь времена“, „прежде этого не было“. И, желая найти путеводную нить среди этихъ сложныхъ жизненныхъ отношеній, ищутъ истину, но ищутъ ее часто не тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится и гдѣ поэтому ее можно найти. Слушаютъ часто тѣхъ, которые, по самому существу, не знаютъ истины, ибо давно отпали отъ нея и усумнились во всемъ. Внимаютъ тѣмъ, которые только вчера, какъ

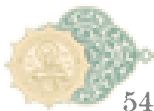
бы между дѣломъ, принялись за чтеніе словесъ Божіихъ, и уже всѣмъ самоувѣренно заявляютъ, что только они одни поняли истину, а прежде ея никто не уразумѣвалъ. Теперь уже начинаютъ слышаться крайне странные голоса,—что воспитывать должна не Церковь, а наука, искусство въ его разнообразныхъ видахъ, преимущественно же творцы слова. Нельзя никогда внимать этимъ людямъ! *Отъ плодъ ихъ, познаете ихъ:* общая истину и свободу, они несомнѣнно приведутъ къ тлѣнію (2 Петр. 2, 19); все ихъ ученіе покоится только на ихъ непомѣрной гордости, ничего другого не признающей, кромѣ ихъ собственной себялюбивой личности. Если полною истинною Христовою владѣть не отдѣльный человѣкъ съ его всегда ограниченнымъ пониманіемъ, а она принадлежитъ только богоучрежденному Христову обществу, одушевляемому Духомъ Божиимъ, Который наставляетъ вѣрующихъ на всякую истину; то послѣднюю каждый и долженъ здѣсь искать, *и ищай обрѣтаеъ* (Матѣ. 7, 8). Обрѣтаеъ ее здѣсь всякій, ибо она познается не отвлеченнымъ умомъ, а всѣмъ существомъ чловѣка: истина эта въ нашемъ ученіи, въ нашихъ обрядахъ, въ нашемъ церковномъ искусствѣ, во всемъ строѣ и укладѣ нашей церковной жизни. Нужно только пріобщиться послѣдней, питаться соками единого тѣла Церкви, быть живымъ членомъ единого духовнаго христіанскаго союза; нужно сердцемъ ощутить это великое единеніе душъ на основѣ вѣры и благодати. Никто не можетъ сказать, что такое государство, школа, не будучи самъ живымъ членомъ государства, не испытавши на себѣ школьнаго вліянія. Такъ и тотъ не знаетъ, что такое Церковь, кто не является живымъ членомъ богоучрежденнаго Христова общества, не создается, не возрастаетъ въ немъ,

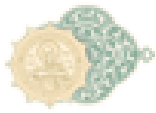

не черпаетъ въ немъ животворныя для себя силы, а, напротивъ, всячески противится его воздѣйствію. Врагамъ Церкви такъ же можно вѣрить, какъ невѣждамъ въ наукѣ, клеветующимъ на науку. То и велико въ Церкви, что истину можетъ здѣсь находить всякій, ибо она здѣсь не отвлеченная мысль, а сама жизнь, обнаружившаяся въ различныхъ формахъ. Въ Церкви Божіей *близъ ти глаголѣсть во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ, сирѣчь глаголѣ въры* (Римл. 10, 8). Истина церковной жизни объемлетъ тебя со всѣхъ сторонъ, и нужно только пріобщиться этой жизни, войти въ ея духъ. Когда слышишь напр. эти дивныя, вдохновенныя церковныя пѣснопѣнія, оглашающія насъ въ настоящіе дни, нѣтъ христіанина, который бы не могъ уразумѣть глагола сего,—не могъ узнать, откуда онъ, и что онъ, и куда онъ долженъ идти. Пусть же научить такимъ голосомъ наука, или обыкновенное искусство! Пусть что нибудь замѣнитъ это ни съ чѣмъ несравнимое воспитательное дѣйствіе Церкви!... Напрасно, напрасно объ этомъ и думаютъ!

Если бы мы, братіе познали истину Христову, мы были бы дѣйствительно свободными. А никто, вѣдь, не можетъ отрицать, что мы во многомъ и въ весьма многомъ несвободны. Что ни говорите, а, наблюдая внимательно нашу жизнь, невольно подумаешь, что человѣкъ вообразилъ себя вѣчнымъ, неизмѣннымъ обладателемъ той небольшой частицы міра, которая называется землею, и вперилъ въ послѣднюю свой напряженный взоръ, и видитъ только ее одну, и знать ничего другаго, какъ бы, не желаетъ, и не видитъ ясной лазури сіяющаго надъ нимъ во всей своей красотѣ неба. Безъ преувеличенія можно сказать, что человѣкъ нашего времени слишкомъ оземленился, вещественность подчинила его себѣ и порабо-

тила. Есть даже люди, которые прямо говорятъ, что постоянное напоминаніе о *тамъ* только вредно отвлекаетъ насъ отъ болѣе положительнаго *здѣсь*, и такимъ образомъ задерживаетъ наше развитіе, а потому посю-стороннее должно окончательно вытѣснить поту-стороннее. Но неужели эти люди желаютъ намъ сказать: *да ямы и піелы, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32)? Неужели они имѣютъ въ виду убить въ человѣкѣ всякія высшія духовныя стремленія, которыя именно и дѣлаютъ его человѣкомъ? Этого, конечно, они никогда не достигнутъ, пока человѣкъ остается человѣкомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что внѣшній человѣкъ не можетъ замѣнить собою человека внутренняго, какъ и внутренній человѣкъ не можетъ, въ его настоящемъ бытіи, существовать безъ человека внѣшняго. Но не менѣе истинно и то, что внутренній человѣкъ долженъ измѣнять, постепенно преобразовывать, возвышать человека внѣшняго, а не подчиняться послѣднему, находиться въ рабской отъ него зависимости. Если мы уразумѣемъ истину,—если наша мысль будетъ истинно христіанскою,—не какъ отвлеченная, конечно, мысль, а какъ весь внутренній человѣкъ; то и внѣшнія дѣла наши, вся наша такъ называемая культура, получаютъ такой характеръ, что не будутъ стоять въ противорѣчій съ истинными требованіями нашего духа. Никто не можетъ предписывать, какую картину долженъ намъ дать художникъ, какое произведеніе долженъ создать великій писатель; но если эти люди знаютъ истину, она научитъ ихъ, что никогда, нигдѣ и ни въ чемъ нельзя вредить внутреннему христіанскому человѣку, а, напротивъ, нужно, насколько это въ нашихъ силахъ, всегда содѣйствовать его развитію и укрѣпленію. Христіанская истина все живитъ и преобразуетъ.

Пусть не заслоняетъ отъ насъ ея животворнаго свѣта такъ называемый духъ времени. *Въ премудрости ходите ко внишнимъ* (Колос. 4, 5), бывайте *не якоже не мудри, но якоже премудри* (Ефес. 5, 15). Духъ времени—сила благодѣтельная и въ то же время сила страшная: благодѣтельная, потому что заключаетъ въ себѣ добрыя начала, носить зародыши лучшаго будущаго, и страшная, такъ какъ подчиняетъ, поработываетъ, повергаетъ въ духовное рабство самые крѣпкіе, повидимому, умы. Никогда не будемъ оправдывать себя въ своихъ явно нехристіанскихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, что таковъ духъ времени. Этотъ духъ времени уже многихъ сдѣлалъ и дѣлаетъ несчастными...

Если мы ищемъ истинной свободы, не желаемъ подчиняться такъ возобладавшей надъ нами вещественности, то не можемъ не напечатлѣть крѣпко въ своей душѣ истину слѣдующихъ словъ великаго учителя Церкви. „Доколѣ будетъ такъ владѣть нами любовь къ настоящимъ вещамъ?.. Доколѣ не взирать на небеса, не трезвиться, не знать сытости въ наслажденіи этими земными и скоропреходящими благами? Ужели мы не знаемъ изъ опыта ихъ ничтожества?... Не сонъ ли всѣ... (эти) блага? Не тѣнь ли и цвѣтъ, не потокъ ли протекающій? Не повѣсть ли и басня? Вотъ такой-то былъ богатъ: гдѣ же теперь его богатство? Сгубло и истлѣло, а грѣхи, совершенные изъ-за него, и наказаніе за грѣхи остаются“¹⁾. „Если теперь для того, чтобы имѣть свѣтлые и съ здоровымъ воздухомъ дома, мы тратимъ множество денегъ, подвергаясь тяжкимъ трудамъ при постройкахъ, то, подумай, не должны ли мы пожертво-

---

¹⁾ Бесѣды на Евангеліе св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, ч. 2, С.-Петербургъ, 1855, стр. 164. 165.

вать и самыми тѣлами, чтобы создать себѣ свѣтлыя обители тамъ, гдѣ тотъ неизреченный свѣтъ? Здѣсь споры и раздоры по поводу границъ и стѣнъ: тамъ ничего подобнаго нѣтъ; нѣтъ ни зависти, ни клеветы; никто не станетъ спорить съ нами изъ-за границъ. При томъ, этотъ домъ непременно нужно будетъ покинуть, а тотъ останется при насъ навсегда. Этотъ со временемъ неизбѣжно подвергается гніенію и многочисленнымъ поврежденіямъ: тотъ не старѣется никогда. Этого бѣдный не можетъ построить: тотъ можно построить и на двѣ лепты, какъ это сдѣлала вдовица“ ¹⁾).

Помыслимъ, братіе, какъ бы призраки истины мы не поставили на мѣсто вѣчной, неизмѣнной истины, и свое духовное рабство не приняли за ту свободу, къ которой мы званы (Гал. 5, 13, ср. 5, 1). Помыслимъ, какъ бы, нося великое имя христіанъ, мы не жили такъ, какъ будто никогда и не слышали о Христѣ, Спасителѣ нашемъ. Гдѣ тогда наше искупленіе? Гдѣ благодать возрожденія? Гдѣ святыя таинства, которыхъ мы сподобляемся? Помыслимъ, что не возможно... *просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, паки обновляти въ покаяніе, второе растинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ* (Евр. 6, 4—6). *Горшія сподобится луки, иже Сына Божія поправый, и кровь завітную скверну возмывъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 29). Помыслимъ, чтобы не гоняться намъ за тѣмъ, что временно, мимолетно, и убѣгать того, что пребываетъ постоянно. *Вышній Іерусалимъ свободъ*

¹⁾ Тамъ же, стран. 273. 274.

есть (Гал. 4, 26). Дѣла свободы: любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе: на таковыхъ нѣсть закона (Гал. 5, 22. 23). И елицы правиломъ силъ жительствуютъ, миръ на нихъ, и милость, и на Израили Божіи (Гал. 6, 16).

Настави насъ, Господи, на путь Твой, да во истинѣ Твоей поидемъ, и истина Твоя свободитъ насъ!—
Аминь.

Д. Богдасhevскій.